

Валерий Дымшиц

Роман Кацман и Максим Д. Шраер, ред. Очерки по истории русско-израильской литературы. Бостон: Academic Studies Press, 2023. 480 с. ISBN 9798887191881.

Валерий Дымшиц, центр «Петербургская иудаика», Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. dym@eu.spb.ru.

Отнесение литературного произведения к национальной литературе – способ классификации не хуже и не лучше любого другого. Между тем корпус той или иной национальной литературы нередко путают с корпусом текстов, написанных на конкретном языке. При всей релятивности национально-культурных границ художественные произведения, написанные в Израиле на русском языке, все же удобнее обсуждать «по ведомству» еврейской литературы не потому, что Израиль – еврейское государство, а потому, что такой подход дает возможность осмыслить их в русле определенной традиции.

Еврейская литература¹ позволяет наглядно убедиться в том, что навязанная школьной программой и оттого кажущаяся самоочевидной прочная взаимосвязь между такими понятиями, как «народ», «язык», «литература», «культура», «страна» и «государство», – не данность, а продукт культурной традиции. В рамках еврейской литературы эти понятия образуют различные комбинации, одной из которых является еврейская литература на русском языке в Израиле², оказавшаяся в фокусе внимания сборника «Очерки по истории русско-израильской литературы». Десять исследователей, чьи тексты собраны под его обложкой, с разной степенью убедительности анализируют это пестрое и разнородное явление.

Русский был и остается языком еврейской литературы с момента ее возникновения как культурного процесса, включающего в себя не только писателей и их тексты, но также прессу, издателей и, самое главное, читателей. Все три ветви еврейской литературы – на идише, иврите и русском – зародились в России в 1860-х годах, в эпоху реформ Александра II, и все три развивались параллельно. Более того, все три языка долгое время входили в творческий инструментарий многих писателей. Например, Шолом-Алейхем писал прозу не только на идише, но и на иврите и русском. Вообще, у первых поколений еврейских литераторов творческое двух- и трехязычие было скорее нормой, нежели исключением. В XX веке еврейская литература аккумулировала практически все европейские языки вплоть до финского. К сожалению, в обсуждаемом сборнике этому феномену не уделено места, хотя как раз в Израиле такая особенность еврейской литературы продолжает сохраняться: например, некоторые авторы используют в работе русский и иврит, другие – русский и идиш.

---

¹ Здесь и далее под «литературой» я буду понимать письменное светское авторское творчество в рамках европейской традиции Нового времени, а под «еврейской литературой» – литературу евреев Восточной Европы и их расселившихся по всему миру потомков.

² В этой формулировке значимы все слова, так как, например, существует русская литература, сущностно связанная со Святой землей.

Недооценка многоязычия еврейской литературы как ее главной особенности когда-то породила неудачный термин «русско-еврейская литература»³. Прилагательное «русско-израильская» в заглавии обсуждаемого сборника сконструировано по той же модели. Хотя термин «русско-еврейская литература» настолько давно укоренился, что сегодня уже нет ни малейшей надежды заменить его более осмысленным «еврейская литература на русском языке», надежда остановить распространение термина «русско-израильская литература» все еще остается.

Основная проблема рецензируемого сборника в том, что его составители не пытаются концептуально определить, что такое «русско-израильская литература», то есть полагают предмет своего исследования самоочевидным. Между тем в конструировании такого определения есть объективные трудности. Если до распада СССР писатели, оказавшиеся в Израиле, были бесповоротно оторваны от языковой метрополии, то с начала 1990-х годов ситуация качественно меняется. Одни авторы, упомянутые в статьях сборника, восстанавливают связь с постсоветским, прежде всего, российским литературным пространством, другие и вовсе не порывают с ним. Так, «русские израильтяне» активно участвуют в российском литературном процессе последних 30 лет. Больше половины обсуждаемых в книге писателей и поэтов в последние десятилетия публиковались в российских журналах, издавали книги в российских издательствах, получали российские литературные премии. Например, Дина Рубина, одна из главных героинь «Очерков», долгие годы была фаворитом российского книжного рынка. Ее книги продавались не только в книжных магазинах, но и в киосках на станциях метро. Наконец, интернет окончательно истончил если не государственные, то культурные границы. Таким образом, «русский Израиль» стал одной из провинций не только «большой русской литературы», но и «еврейской литературы на русском языке», существующей не только в Израиле.

Многие из героев сборника, пожив – долго или не очень – в Израиле, покидали его – кто на несколько лет, а кто на долгие годы. Это происходило еще в 1970–1980-е годы, когда репатриация в Израиль не подразумевала ни возвращения в страну исхода, ни контактов с ней. Для ряда писателей Израиль стал не судьбой, а лишь более или менее значимым эпизодом в биографии. Например, героиня очерка Алексея Сурина «Уходим из России: русско-израильская литература в 1970–1980-е годы» Феликс Розинер и Анри Волохонский, прожив в ближневосточном государстве несколько лет, переехали в другие страны, а Зиновий Зиник пробыл там всего год. Что касается последних десятилетий, многие писатели возвращались из Израиля в «родные Палестины» опять-таки на разное, иногда очень продолжительное время.

Как результат, критерием отбора в число героев «Очерков» стало лишь наличие израильского гражданства. Это очевидный, но экстенсивный и не особенно информативный показатель. В итоге среди обсуждаемых авторов оказались и те, кто начал литературную карьеру в Израиле, и те, кто приехал туда, уже имея за плечами большой литературный и жизненный опыт, как, например, Анатолий Алексин и Григорий Канович.

---

³ Концепт «русско-еврейской литературы» подразумевает, что, допустим, еврейский писатель Шолом-Алейхем, переходя с идиша на русский, становится «русско-еврейским».

Однако даже этот формальный критерий оказался не вполне выдержанным составителями сборника. В частности, в издание включена статья Марата Гринберга «Израильско-советские литературные связи в 1950–1980-х годах: от переводов до “Библиотеки-Алия”», объект исследования которой – три переводных сборника, успевших выйти в Москве до того, как СССР в результате Шестидневной войны разорвал дипломатические отношения с Израилем, а именно: «Поэты Израиля» (1963), «Рассказы израильских писателей» (1965) и «Искатель жемчуга: новеллы израильских писателей» (1966). История появления этих книг, а также выбор израильских авторов и советских переводчиков – все это интересно само по себе и увлекательно изложено Гринбергом. Его исследование могло бы послужить зачином к обсуждению того, как в Израиле сложилась школа художественного перевода с иврита на русский, каковы ее принципы, кто из переводчиков больше других сделал для знакомства русскоговорящей аудитории с израильской литературой. Например, благодаря израильским переводчикам у советского читателя немалую популярность обрели Шмуэль-Йосеф Агнон, Амос Оз и Меер Шалев, однако, увы, история художественного перевода – интегрального элемента литературного процесса – не была описана в «Очерках». Таким образом, остается неясным, как советские переводы 1960-х годов с иврита на русский соотносятся с заявленной темой сборника.

Авторы обсуждаемого издания также могли выбрать иную оптику и обсудить произведения, чьи свойства прямо или косвенно определены тем, что написаны в Стране Израиля, Государстве Израиль, Святой Земле; произведения, в которых отразились свет, природа, климат, язык, культура и жители этих мест; произведения, созданные в диалоге с текстами на иврите – древними и современными. За время жизни в Израиле многие из упомянутых в «Очерках» писателей выучили иврит и познакомились с оригиналами обширного круга текстов – от Библии и мишрашей до современной израильской литературы. Понятно, что эта включенность (у кого больше, у кого меньше) в язык и тексты на нем заведомо отличает «русских израильтян» от большинства их товарищей по литературному цеху. Наконец, важно выделить авторов, родившихся в СССР, но за счет прибытия в Израиль в молодом возрасте сформировавшихся как писатели всецело на Ближнем Востоке. Вероятно, именно о них следует в первую очередь говорить не только как о «русских писателях в Израиле», но и как об «израильтянах, пишущих по-русски». К сожалению, ничего из перечисленного выше в сборнике нет, а критерий отбора, как сказано выше, один – израильский паспорт.

Этот экстенсивный критерий, проигрывая в содержательности, казалось бы, должен давать выигрыш в объективности. Если степень включенности в местный контекст нужно анализировать и обосновывать, то формальный критерий не может быть оспорен: есть надежда, что «сосчитают всех», новая книга даст более или менее репрезентативную картину, назовет все сколько-нибудь значимые имена пишущих на русском в Израиле, а будущий исследователь получит развернутый библиографический справочник. Увы, но нет! Если основные периодические издания перечислены и описаны достаточно аккуратно, то с героями все гораздо хуже. Я не специалист по современной русской литературе, а по русской литера-

туре Израиля и подавно, однако даже мне заметны пробелы. Ниже перечислю лишь некоторые из них – что называется, навскидку. Так, не упомянута выдающаяся писательница Юлия Винер (1935–2022), половину жизни прожившая в Израиле. Ее книги издавались и в Израиле, и в России, причем в лучших издательствах. Нет ни слова о киевлянке Инне Лесовой (1947 г. р.), блистательном прозаике и прекрасном поэте, чьи произведения репрезентируют современную еврейскую литературу в авторитетной монографии профессора Гарриет Мурав (2022:301–304, 342–347). Лесовая живет в Израиле не так давно, но поскольку применительно к другим авторам составителей сборника такие факты не смущают, следовало бы уделить место и ей. Отсутствуют какие-либо упоминания великолепного поэта, прозаика и переводчика Льва Беринского (1939 г. р.), который всю жизнь пишет на русском и идише и уже более 30 лет живет в Израиле. Один раз, именем в общем списке, упомянут прекрасный поэт Арье Ротман. Он перелагает библейские книги русскими стихами, наследуя в этом всей русской поэзии, начиная от Ломоносова, но делает это, опираясь на древнееврейский оригинал. Перечисленное выше – лишь имена из первого ряда, хотя очевидно, что пробелов гораздо больше.

Авторы рецензируемого сборника могли бы ответить, что писавших и пишущих на русском в Израиле так много, что упомянуть всех невозможно. Это справедливое замечание, однако оно не снимает проблему обоснованности выбора героев сборника. Можно говорить о писателях, принадлежащих к определенному жанру или школе, можно доказывать, что выбранные прозаики и поэты наиболее репрезентативны по тем или иным четко сформулированным критериям, но предъявлять их без всякого обоснования, почему отобраны именно они, невозможно. Между тем в трех ключевых статьях обсуждаемого издания – «Уходим из России: русско-израильская литература в 1970–1980-е годы» Алексея Сурина, «Русскоязычная проза Израиля второго десятилетия XXI века» Елены Промышлянской и «Проза алии 1990–2000-х годов» соредатора сборника Романа Кацмана – явным образом обозначены только исследуемые десятилетия. Однако о том, почему каждый отдельный период репрезентируют упомянутые в статьях писатели, нет ни слова. Как результат, у читателя «Очерков» возникает неприятное подозрение, что критерий отбора литераторов для обсуждения формулировался просто – «пишем о тех, кого вспомнили».

Некоторые тексты выглядят не отвечающими задачам сборника, претендующего на описание не столько отдельных писателей, сколько литературного процесса в целом. Это, прежде всего, работа Любы Юргенсон «Юрий Марголин и его время» – единственная статья, сфокусированная на одном герое, авторе знаменитого «Путешествия в страну зе-ка». Это произведение Марголина, классика лагерной литературы, кроме всего прочего, не имеет ни малейшего отношения к Израилю. Мало релевантной заявленному фокусу сборника является и статья «Из истории русско-израильской литературной критики» покойного Леонида Кациса (1958–2022). Основываясь на системе постулатов, очевидных ему одному, он рассуждает о некоторых частных случаях. В результате текст не только не репрезентирует израильскую литературную критику на русском языке, но и попросту оказывается практически нечитаемым.

Оставляет желать лучшего аналитический инструментарий, представленный соредактором сборника Максимом Шраером в статье «Пути русского поэтического авангарда в Израиле». Буквально в первом предложении автор сообщает, что будет говорить о поэтах «с начала 1970-х до начала 2000-х годов», что противоречит представлениям об авангарде как явлении, локализованном в определенной эпохе, а именно в 1910–1920-х годах. Художник и поэт Михаил Гробман – как раз один из героев статьи Шраера – в свое время ввел в оборот выражение «второй авангард», что следует понимать не буквально, а как заявку на наследование определенными традициям. Конечно, ни о каком авангарде в конце XX века в точном смысле этого термина говорить не приходится. Поэтический же авангард Шраер понимает исключительно простодушно. Как раз о Гробмане он пишет: «В то время как произведения Гробмана-художника несут явные формальные и структурные черты авангарда, его стихи едва ли можно назвать экспериментальными или авангардными по текстуре и версификации. Хотя Гробман обращался к свободному стиху, в наиболее полной мере он самовыражается с помощью силлабо-тонического стихосложения» (с. 192–193). Дескать, какой же ты авангардист, если пишешь ямбом и в рифму! Такая наивность удивительна. Неудобно напоминать, что, например, «Элегия» Александра Введенского написана ямбом, а граница между традицией и авангардом вообще проходит не по линии раздела между верлибром и регулярным стихосложением. Впрочем, к достоинствам статьи Шраера при всей ее методологической скудости следует отнести заинтересованность автора в творчестве обсуждаемых поэтов, попытку в нем разобраться и донести свой искренний интерес до читателей.

Безрадостное впечатление производит и статья другого составителя «Очерков» Романа Кацмана «Проза алии 1990–2000-х годов», написанная с помощью нагромождения громких и более или менее бессмысленных слов. Кацман предлагает читателю череду кратких эссе – литературных портретов выбранных им прозаиков, однако составить при всем желании из них какое-либо впечатление о прозе обсуждаемых писателей не получится. Вот пример, выбранный почти случайно. Рассуждая о произведениях Александра Любинского, Кацман пишет: «Причудливая вязь хронотопов, создаваемая лирическим, поэтически насыщенным голосом, встраивается в мифологему отмененного времени, нацеленную на усилие воспоминания и исторического познания реальности в неомодернистском духе» (с. 268). Боюсь, что не только на меня этот текст производит впечатление словесного шарлатанства. И еще о том же самом Любинском: «“Настоящая, ненадуманная литература” Любинского возвращается к амбициозным эстетическим программам Серебряного века, с одной стороны, а с другой – опережает свое время, преодолевая политико-идентичностный ждановизм, вульгарный социологизм и идеологический популизм всех сортов в сегодняшних “прогрессивистских” художественных программах» (с. 269). В последней цитате речь идет о сборнике «Тени вечерние», опубликованном в 2015 году. Отрадно, конечно, что во втором десятилетии XXI века Александр Любинский справился наконец со «ждановизмом и вульгарным социологизмом», но вряд ли этим «опередил свое время». Интересный прозаик, Любинский вряд ли заслужил такие сомнительные комплименты.

Другие утверждения Кацмана кажутся автопародиями, например: «Их [стихотворений Дениса Соболева] риторико-когнитивный стиль можно назвать когнитивным реализмом. Его суть – в стремлении вырастить из поэзии философию сознания, а поэзию вырастить из философии сознания» (с. 257). Примеры такого рода можно было бы перечислять и перечислять – собственно говоря, из них в основном и состоит статья Романа Кацмана.

Примерно так же, что не удивительно, написана статья ученицы Кацмана Елены Промышлянской «Русскоязычная проза Израиля второго десятилетия XXI века». Словесные «изыски» типа «пространственно-временная динамика подчеркивает ламинарный характер текстов» странным образом соседствуют с простодушными фразами, напоминающими студенческую курсовую, например: «Нужно отметить изменения в отношениях между центром и периферией и распространение политики мультикультурализма, также оказавшие влияние и на литературные процессы» (с. 303). Ни одна литература не заслуживает того, чтобы о ней писали таким языком.

На этом малоубедительном фоне выделяются две работы литературоведов, за исследованиями которых я давно и с интересом слежу. Одна из них – статья Владимира Хазана «К истории палестинского текста», повествующая о литераторах, которые начали писать в Палестине на русском языке еще до создания Государства Израиль. Четкость и ясность изложения, исчерпывающая полнота, обилие интересных биографических подробностей – все это делает текст Хазана почти образцовым. Его работа раскрывает перед читателем малоизвестную (особенно если сравнивать с Парижем, Берлином, Прагой) страницу истории русской литературной эмиграции. Стройность изложения, а также понятные принципы отбора и классификации обсуждаемых текстов отличают другую примечательную статью, написанную Еленой Римон и озаглавленную «Жанры израильской русской фантастики». Она обозначает жанровую рамку, выявляет поджанры и обосновывает их израильскую специфику. Обсуждение конкретных авторов и их произведений, само по себе убедительное, иллюстрирует общие методологические принципы, предъявленные Римон. Дочитав статью, проникаешься убеждением, что перед тобой целостное и интересное литературное явление.

«Очерки по истории русско-израильской литературы», несомненно, делают благое дело – убеждают заинтересованного читателя в том, что еврейская литература на русском языке в Израиле гораздо богаче и разнообразнее, чем можно помыслить. Что же касается ее систематического анализа, то это по-прежнему дело будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мурав, Гарриет. 2022. *Музыка из уходящего поезда. Еврейская литература в послереволюционной России*. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press.